

Глава 55. Обработать мазью

Ночная роса уже густо легла на всё вокруг, а влажный аромат лагерстрёмии завис на оконной раме, покачиваясь от тёплого ветра раннего лета.

Косые тени цветов проскользнули в комнату и шаловливо наступили на длинный хвост лунного света.

Две мягкие ладошки сейчас очень осторожно зарывались в распущенные волосы Фу Линцзюня. Цзян Тан успел только раз погладить пальцами шелковистые пряди, как ноги на цыпочках не выдержали, и он сам сразу стал ниже на полголовы.

Не доставал.

Он немного приуныл, глядя на волосы Фу Линцзюня, до которых неудобно было дотянуться, даже когда тот наклонился. И тихо сказал:

— Сядь.

Показал на стоявший рядом стул. На маленьком лице — одна только серьёзность.

Фу Линцзюнь, который всего минуту назад был хмур и страшен, теперь лишь неотрывно смотрел на него глубоким взглядом. Смотрел так прямо, что Цзян Тану стало неловко. Он потёр щеку рукой и отвёл глаза от этого почти осязаемого взгляда.

— Сядь. Я причешу.

На редкость послушно Фу Линцзюнь сел на указанный стул. Чёрные волосы потянулись по полу и в лунном свете казались неожиданно нежными.

В душе Цзян Тана вдруг вспыхнуло странное чувство гордости. Раньше великий босс всегда казался ему человеком из тех, до кого не дотянуться, кем-то недостижимым. Пусть тот и любил по-своему пушистиком и обращался с ним очень даже неплохо, Цзян Тан и подумать не мог, что великий босс когда-нибудь вот так спокойно послушается его.

Скажешь сесть — сядет. Прямо как его младшая двоюродная сестрёнка, которая вечно липла к нему и просила сделать ей причёску.

Навык причёсывать волосы Цзян Тан в своё время как раз на той сестрёнке и отточил.

Довольно долго его дядя с тётей работали за границей, а сестрёнка была ещё мала и не могла ехать с ними, поэтому на время её отдали в дом Цзян Тана.

Родители Цзян Тана были обычными людьми, с утра до вечера пропадали на работе и могли разве что следить, чтобы дома двое детей были накормлены три раза в день. А вот сами дети быстро сблизились: график у них был похожий. Тогда Цзян Тану было тринадцать, он учился в средней школе, а двоюродной сестре — семь, она ходила в младшие классы. Школа, кстати, была одна и та же.

Завтракали они вместе, волосы ей заплетал Цзян Тан, а после уроков она сидела в книжном магазине напротив школы и ждала, пока он освободится, чтобы идти домой вместе.

Сестрёнка была живая, непоседливая, обожала носиться и прыгать, так что косички, заплетённые утром, к концу дня уже распадались. Цзян Тан причёсывал её по два раза в день

— вплоть до того дня, когда дядя с тётёй наконец забрали её за границу. Вот тогда-то и выработалось это мастерство.

Теперь он заменил расчёску пальцами, медленно запустил их в волосы Фу Линцзюня и стал понемногу собирать пряди назад. Но ладони у него были слишком маленькие, захватить сразу много волос не получалось. Стоило с трудом собрать часть волос сзади — и они, такие гладкие, тут же выскользнули обратно между пальцев. Так он попробовал несколько раз и, к своему ужасу, великий мастер причёсок Цзян Тан впервые в жизни потерпел сокрушительное поражение.

Тёплые мягкие подушечки пальцев раз за разом скользили по коже головы Фу Линцзюня. От этого приятная, чуть щекочущая дрожь растекалась всё дальше. Его тело невольно расслабилось, глаза сами собой закрылись, плечи тоже опустились.

Веточка лагерстрёмии, заглянувшая в окно, была словно пропитана румянами, но сохраняла свежий цветочный аромат. Смешиваясь с приятным запахом самого Цзян Тана, он вдруг напомнил Фу Линцзюню о далёком детстве.

Тогда, кажется, его мать точно так же мягко причёсывала ему волосы. Причёсывала, улыбалась, что-то рассказывала — и дни один за другим текли спокойно и ровно.

Мягкие маленькие руки всё скользили по его волосам — снова и снова. Сначала Фу Линцзюнь был поглощён воспоминаниями, но постепенно начал смутно понимать, что что-то здесь не так.

Юноша причёсывал его уже слишком долго. И, судя по всему, не собирался останавливаться.

Фу Линцзюнь открыл глаза.

Стоило ему чуть повернуть голову — волосы у корней тут же болезненно дёрнуло.

— П-прости!

Цзян Тан торопливо разжал пальцы, которые слишком сильно ухватили пряди, и водопад волос снова рассыпался в прежнем виде.

— ... — Фу Линцзюнь едва заметно дёрнул уголком губ. — Тогда не надо.

Он уже собрался встать.

Но волосы снова оказались в плену этих двух маленьких ладоней.

Цзян Тан поджал губы, вцепился в его волосы и, хоть Фу Линцзюнь сидел к нему спиной, с явным упрямством замотал головой:

— Нет. Надо.

При этом, боясь опять сделать больно, он неловко обвил его шею обеими руками.

Фу Линцзюнь: «...»

Опустив глаза, он посмотрел на эти руки, слишком уж знакомо лежащие у него на шее. В прошлый раз они так мягко обнимали его, когда тянулись к нему всем телом. А теперь сжимали так крепко, словно собирались прямо здесь удавить.

К счастью, Цзян Тан и сам понял, что его приём с удушением получился чересчур внезапным, и тут же отдёргнул руки.

Фу Линцзюнь вздохнул и снова опёрся спиной о спинку стула.

— Причёсывай.

Цзян Тан, который давно мечтал сменить великому боссу причёску, тут же просиял и полез к нему с новым приступом энтузиазма.

— ...

Разумеется, снова провал.

— П-прости...

Маленький пёсик жалобно пищал и в процессе опять дёргал великого босса за волосы.

Началась третья попытка.

— ...

— Правда, прости...

Четвёртая попытка.

— ...

— Прости!

Пятая попытка.

...

Свеча горела уже полночи, и у её основания всё росла тяжёлая лужица воска. Ночная тишина области Цянькунь была особенно глубокой; за окном умолкли даже птицы. Только летний ветер, задевавший ветку лагерстрёмии у окна, время от времени заставлял её тихо шелестеть.

В комнате стояла тишина, но движения двоих, отпечатавшиеся на стене дрожащими тенями свечи, были на редкость сумбурными. Главным образом — движения того, кто стоял позади и пытался причёсывать.

Наконец, прежде чем длинная свеча догорела, Цзян Тан, потратив уйму сил, сумел собрать все волосы Фу Линцзюня сзади.

Подходящей ленты он, правда, так и не нашёл, поэтому воспользовался длинной тесьмой, неизвестно откуда взявшейся на прежнем лунно-белом одеянии. Ею он стянул волосы Фу Линцзюня в высокий хвост и закрепил деревянной шпилькой, чтобы те не распались.

— Готово.

Он облегчённо выдохнул. Когда раньше говорил с таким видом, будто всё умеет, то совсем не подумал, что у Фу Линцзюня слишком длинные и слишком густые волосы — да ещё и такие гладкие, что их не удержать. Это оказалось куда сложнее, чем собирать смешные детские

хвостики. Хорошо хоть не провалился окончательно.

Чудо «переодеть великого босса» — выполнено на один процент из ста.

Правда, причёска вышла слегка небрежной, и у лба остались растрёпанные пряди.

Вообще-то Цзян Тан хотел сделать ему образ богатого учёного — благородного, сдержанного, пропитанного книжной утончённостью. Но Фу Линцзюнь сам по себе был слишком ярким и слишком резким, так что с высоким хвостом стал выглядеть ещё более ловким и опасным. Таким, который в любую секунду может выйти, зарубить пару человек и вернуться назад так, что у него даже волосок не собьётся.

Хотя, если бы ещё и переодеть его во что-нибудь светлое, может, это немного приглушило бы его демоническую ауру.

Например, в этот самый светло-лиловый наряд, что был сейчас на нём самом. Если бы Фу Линцзюнь тоже надел что-то похожее, а в руку ему ещё дать складной веер, получился бы беспечный и обаятельный красавец-скиталец. Если бы переодеть его в лунно-белое — вышел бы скрывающий личность великий мастер, который решил тайком пройтись по городу. А если бы вообще надеть на него стеклянно-белые одежды, уложить волосы наполовину наверх и воткнуть нефритовую шпильку, тогда перед всеми предстал бы свет праведного пути, высокогорный цветок — и никто, глядя на его лицо, не посмел бы сказать, что он похож на злодея.

Тусклый свет свечи очерчивал идеальный профиль Фу Линцзюня. Цзян Тан, заворожённо глядя на это прекрасное лицо, мысленно переодевал его то в один наряд, то в другой, и чуть ли не глотал слюну от жадности.

Нет, он всё-таки был безнадёжным внешником. Великий красавец и правда выглядел слишком нечеловечески. Распущенные волосы делали его прекрасным по-своему, собранные — совсем по-другому, и от этого Цзян Тану до одури хотелось хоть разок тайком ущипнуть его за щёку или потрогать.

Но похотливый маленький пёсик струсил и лапу к его лицу так и не протянул.

Фу Линцзюнь тоже не стал смотреть в зеркало. Он лишь слегка повернул голову к стоявшему рядом Цзян Тану. Дождавшись, пока тот тоже взглянет на него, он медленно поднял бледные пальцы, и на кончиках заплясал маленький огонёк.

— Ты ведь хотел научиться?

Сначала Цзян Тан даже не понял, о чём речь. А когда дошло, он так обрадовался, что чуть не подпрыгнул:

— Правда можно?

Ещё на утёсе Жисы, увидев, как Фу Линцзюнь вызвал в ладони чистую струю воды, он страшно ему позавидовал и честно признался, что тоже хочет учиться. Раз уж он теперь человек, было бы слишком обидно даже не попытаться освоить какие-нибудь техники. Пусть как вид благие звери и были слабы до смешного, а вдруг, став человеком, он окажется невероятно талантлив? Вдруг будет схватывать всё с лёту, окажется редким гением культивации и всё такое?

Он смотрел на Фу Линцзюня так горячо и с такой надеждой, что тот, к счастью, не подвёл и

продиктовал ему заклинание.

Слова были вроде бы обычные, человеческие. Но, попав в уши Цзян Тану, тут же превращались в густую кашу.

Его растерянное лицо не укрылось от Фу Линцзюня. Тот повторил заклинание ещё раз, уже медленнее. Вот только проблема была не в том, что Цзян Тан не мог его запомнить, — он просто не понимал смысла.

После того как он попал в этот мир, память у него стала очень хорошей. Он смог запомнить рунический узор, которым открыл замок и сбежал из Цзэяна. И сейчас он тоже мог слово в слово воспроизвести то, что только что сказал Фу Линцзюнь. Но понять — нет.

Заклинание ведь не стихотворение: выучил наизусть — и готово. Без понимания оно не работало.

— Не понимаю, — смущённо признался Цзян Тан, опасаясь, как бы Фу Линцзюнь не решил, что он слишком безнадёжен. После чего добросовестно повторил всё заклинание по два слова, без единой ошибки, и моргнул: — Запоминаю. Но не понимаю.

Как бывший отличник, Фу Линцзюнь, очевидно, не понимал, как можно быть учеником вроде Цзян Тана.

Он думал, проблема в том, что тот не запоминает. А выяснилось, что тот вообще не способен осмыслить, о чём идёт речь.

То есть теперь Фу Линцзюнь должен был объяснить ему, откуда в этом мире берётся духовная энергия, как работают заклинания разных стихий, и ещё как вообще втягивать небесную и земную духовную энергию в тело. Для Фу Линцзюня, рождённого верховным талантом, это было почти неразрешимо: его особое телосложение с младенчества само впитывало сущность солнца и луны, так что он сразу прорвался на ступень мастера Дао и попросту перескочил сотню лет обычного культиваторского пути. Это было всё равно что, миновав детский сад, школу и старшие классы, сразу поступить в университет.

И теперь от него требовали вернуться назад и объяснить ребёнку, что такое один, два, три, четыре и откуда они вообще взялись.

Фу Линцзюнь смутно почувствовал, что у него начинает болеть голова.

— Ладно, — решил он, и, не пытаясь объяснять этап, в котором сам толком не разобрался, просто протянул руку к Цзян Тану.

После сегодняшнего опыта с железной хваткой Фу Линцзюня Цзян Тан, увидев, что тот снова хочет взять его за руку, уже даже не пытался увернуться и очень послушно сам вложил маленькую ладонь ему в руку.

Острая духовная сила, войдя в тело Цзян Тана, тут же смягчилась. Инстинктивно ему хотелось оттолкнуть чужую энергию, проникшую внутрь. Но Фу Линцзюнь уже не раз вливал в него духовную силу, и тело к ней привыкло настолько, что почти не сопротивлялось. Она сразу проскользнула в его пустой даньфу.

Из Фу Линцзюня учитель был так себе.

Базу культивации он объяснить не умел, а потому просто грубо запихнул в даньфу Цзян Тана немного духовной силы, обманом заставив его тело принять её за собственную. А потом повёл эту нить энергии по всем меридианам юноши, давая ей сделать полный круг.

Нельзя было сказать, что новое человеческое тело Цзян Тана отличалось выдающимся талантом. Зато оно было необыкновенно чистым и прозрачным, а меридианы — без единого засора. Когда Фу Линцзюнь провёл ту тонкую нить энергии по его телу и вернул назад, она стала совсем чуть-чуть сильнее и спокойно осела в даньфу.

— Почувствовал? — спросил он.

Это было совершенно непередаваемое ощущение.

Цзян Тан только что словно вырастил внутри собственного тела глаза и мог «видеть», как эта тонкая ниточка духовной силы движется по нему изнутри. Пусть изначально она и была не его, а досталась ему от Фу Линцзюня, как шпаргалка, но после полного круга вернулась уже вместе с крохотной собственной силой, которую тело успело выработать само.

— Почувствовал! — глаза у Цзян Тана распахнулись так широко, что стали совсем круглыми.

Эта его собственная духовная нить была до смешного слабой — казалось, налети ветер, и её не станет. Но всё же она спокойно лежала в даньфу. И она была его.

Фу Линцзюнь наконец-то снова почувствовал хоть каплю учительского достоинства.

— Успокой разум. Опusti дыхание. Повторяй циркуляцию духовной силы.

Цзян Тан очень серьёзно уселся на стул, как показывают в телесериалах, скрестив ноги, и начал понемногу гонять духовную силу внутри тела.

— Гр-р-урч...

Живот издал до крайности неуместный звук, и вся его сосредоточенность тут же развалилась.

— У-у, — Цзян Тан мгновенно вышел из состояния медитации и жалобно обнял живот. — Голоден.

Фу Линцзюнь: «...»

Он молча окинул взглядом стол, развернул промасленную бумагу со сладостями и протянул их ему.

Цзян Тан тут же схватил пакет и принялся есть — запивая сладости чаем, одну за другой. Став человеком, он наконец-то мог съесть больше. Раньше, пока был маленьким зверьком, даже если что-то безумно нравилось, он мог лишь попробовать по чуть-чуть: стоило съесть слишком много одного, и на другое уже не хватало места. Теперь же каждую сладость он мог съесть по две-три штуки. Крошки липли к губам, а глаза от счастья изогнулись дугой.

— Вкусно, — щедро похвалил он.

Крошка сладости прилипла к уголку губ. Розоватые губы, смоченные чаем, выглядели как персиковые лепестки, которых коснулась утренняя роса.

Глядя на эту крошку, Фу Линцзюнь вдруг сам почувствовал нечто, похожее на голод. Ему

захотелось слизнуть её с губ юноши и проверить, что слаще — сама сладость или Цзян Тан, которого он помнил на вкус.

Евший сладости Цзян Тан смутно уловил на себе жгучий взгляд Фу Линцзюня. Внутри у него всё дрогнуло — это было почти как тайком есть снеки на перемене прямо под носом у классного руководителя. Давление было ощутимое. Поэтому он поспешно сунул в рот ещё два кусочка, залпом выпил чашку чая и облизал губы.

Крошка исчезла.

— Я наелся.

Он снова сделался примерным учеником, которому страшно подвести строгого классного руководителя: забрался на стул с ногами, глубоко выдохнул и приготовился как следует успокоить дух и продолжить культивацию.

В комнате сразу стало очень тихо.

Из поля зрения Фу Линцзюня исчезла та маленькая крошка сладости, и внутри у него словно кто-то начал осторожно царапать — не больно, но мучительно зудко.

Он долго смотрел на серьёзное лицо Цзян Тана, который старательно культивировал, и, убедившись, что тот явно не собирается просыпаться в ближайшее время, вдруг почувствовал сожаление.

Ночь уже была глубока. Вообще-то пора было спать.

Самому ему сон не требовался.

Но когда рядом был Цзян Тан, разум Фу Линцзюня всегда расслаблялся. Ему нравилась сонливость, приходившая, стоило приблизиться к нему. Нравилось, что, закрывая глаза, он видит не горы трупов и не море крови, а яркие краски, птичий щебет и цветущие деревья.

Если Цзян Тан не ляжет спать, ему самому тоже уже не уснуть.

Он пересел на стул напротив и долго смотрел на Цзян Тана. Потом протянул руку, взял красивое пирожное и откусил кусочек.

Нежное пирожное с цветами сливы быстро растаяло у него во рту. Яркий цветочный аромат смешался с прямолинейной сладостью.

Одного укуса хватило, чтобы почувствовать приторность.

Фу Линцзюнь отложил надкушенное пирожное в сторону и продолжил молча смотреть на Цзян Тана.

Первая практика культивации никогда не длится слишком долго. Цзян Тан заставил духовную силу дважды пройти по нужному пути, и почти сразу у него закружилась голова.

Такое чувство, будто из него вычерпали всё до капли.

Когда он вышел из медитации, то сразу столкнулся с пристальным взглядом Фу Линцзюня.

— Я не ленился, — поспешно заверил его Цзян Тан.

Ему очень хотелось доказать, что он честно выполнил задание. Но культивация оказалась слишком утомительной. Он отличался от обычных культиваторов: у него не было полноценного изначального духа, только бесполезная душа попаданца из другого мира. Слишком долго выдерживать такую нагрузку он не мог. Веки у него уже слипались.

И всё же он не забывал соблюдать дистанцию.

С большим трудом заставив себя подняться со стула, он протянул руку к Фу Линцзюню:

— Двадцать... духовных камней.

Как раз цена ночёвки здесь.

Фу Линцзюнь слегка приподнял бровь:

— Это ещё зачем?

— Нам нельзя... в одной комнате, — смущённо проговорил Цзян Тан. — Неподобающе.

Если он и дальше станет регулярно превращаться в человека, лучше уж, как Сян Син, жить отдельно от Фу Линцзюня. Пусть это и дороже на одну комнату, зато правильно. Маленькому зверьку ещё можно без стыда спать с великим красавцем. А вот в человеческом облике он уже так не мог.

Стоило только представить, что ему придётся лежать с Фу Линцзюнем на одной кровати, как внутри всё начинало подозрительно дрожать. Угу, он и правда был жаден до денег и слишком падок на красоту, так что не надо испытывать его силу воли.

Из-за сонливости он не заметил, как лицо великого босса вдруг стало ещё мрачнее, и лишь мягко поторопил его:

— Завтра мы уже уедем. На одну ночь... недорого.

Фу Линцзюнь откинулся на спинку стула и неспешно окинул взглядом сверху вниз этого маленького беглеца. Потом вынул из жемчужины Нахай один камень среднего ранга и положил его на стол.

— Иди.

— Тогда... я пошёл, — Цзян Тан, силой заставляя себя не засыпать на ходу, поплёлся к двери.

Мысли юноши были для Фу Линцзюня слишком прозрачны, чтобы их не понять. Он не стал останавливать его. Лишь тайком свёл указательный и средний пальцы и начертил в воздухе знак.

Когда сонный Цзян Тан вышел за дверь, всё вокруг едва заметно качнулось бесцветной рябью. Разумеется, он этого не заметил. Держась за перила, он спустился по лестнице вниз, но на полпути обнаружил, что слуга, дежуривший ночью внизу, куда-то исчез.

Он потряс головой и снова посмотрел туда, где тот обычно сидел. Когда они вернулись, слуга точно был на месте. А теперь — ни следа.

Если никого нет, значит, новую комнату уже не снимешь.

Цзян Тан тревожно развернулся и пошёл обратно наверх.

В тот миг, когда он снова ступил на второй этаж, бесцветная рябь в воздухе исчезла. У стойки, как ни в чём не бывало, сидел сонный слуга, зевая на дежурстве. Он не видел никакого Цзян Тана, спускавшегося вниз, — точно так же, как Цзян Тан не видел его.

Когда у дверей комнаты снова медленно появился маленький силуэт, Фу Линцзюнь поджал губы и спросил:

— Ну что?

Цзян Тан смутился.

— Слуги... нет, — сказал он и сам же почувствовал, что звучит это уж как-то слишком подозрительно, поэтому поспешно добавил: — Правда нет.

Фу Линцзюнь едва слышно хмыкнул, словно принимая его объяснение.

— Я буду спать... здесь, — Цзян Тан указал на стул, на котором только что сидел в медитации, и очень серьёзно добавил: — Не помешаю тебе.

В груди Фу Линцзюня снова занялось безымянное пламя.

Обычно, стоило ему почувствовать раздражение, как в голову сразу приходили мысли о том, кого бы убить. Но стоило ему встретиться взглядом с этими большими влажными глазами, как огонь тут же придавливало, и вместе с ним будто уходила вся злость.

— Угу, — он больше не стал на него смотреть и повернулся к кровати.

Ночь была полна звёзд.

Луна взобралась высоко на небо, тихо сдвинула свет чуть в сторону и заполнила им половину комнаты.

Фу Линцзюнь всё не мог уснуть.

Лёжа с открытыми глазами, он слушал, как сидящий на стуле Цзян Тан очень быстро начинает ровно дышать. Тот был совсем рядом — и всё же будто бесконечно далеко.

Как бы он ни заставлял себя успокоиться, успокоения не приходило.

Он резко поднялся, в два-три шага подошёл к юноше. Тот, свернувшись на стуле, выглядел крошечным комочком — такого нетрудно было бы поднять вместе со стулом.

Но когда Цзян Тана взяли на руки, он ничего не почувствовал. Наоборот, почуяв этот знакомый приятный запах, он даже облизнул губы и сам прижался щекой к крепкой груди.

У Фу Линцзюня дрогнул кадык.

— Глупая собака, — тихо выдохнул он. — Только во сне ты бываешь таким ласковым. А стоит проснуться — и сразу начинаешь сторожиться и избегать меня.

Противоречивое создание.

Он осторожно положил юношу на край кровати и лёг рядом. Натянутый до предела, тревожный дух наконец-то понемногу начал успокаиваться, и даже скрытая головная боль отступила.

Дыхание Фу Линцзюня стало ровнее. Он уже было закрыл глаза, как вдруг снова сел.

В лунном свете он взял одну руку спящего и посмотрел на тонкое запястье, где всё ещё алел двусмысленный след.

Тот самый след, который он хотел бы оставить ещё в более скрытых местах — и ещё больше.

Фу Линцзюнь сам не понимал, откуда в нём такие дурные мысли. Но ему всё время вспоминалось, как в прошлый раз Цзян Тан плакал у него на руках, задыхаясь от рыданий, с покрасневшим носом.

И подобные мысли легко могли заставить его потерять меру.

Он осторожно погладил красный след, достал из жемчужины Нахай коробочку с мазью и аккуратно смазал запястье.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: не дам жене дел — сам облысею. Дам жене дел — кровать опустеет.

<http://bllate.org/book/17032/1644407>